

чальника, дабы его охоте последовать». При этом царю приходит на память брат Федор, во дни владения которого «не все ли паче прочаго любили платье и лошадей», точно так же, как «ныне (т. е. уже при самом Петре, — М. Н.) оружие?». Почему так получается? Да потому, что царь Федор Алексеевич больше всего любил лошадей, а главной страстью Петра было воинское дело. «Хотя кому до обоих дела нет, — заключает свою мысль Петр, — но до чего охотник начальствуй, до того и все, а от чего отвращается, от того и все». А если так, «еще сии легкия забавы, которыя только веселят человека (платье, лошади, — М. Н.), так скоро покидают, колми же паче сию зело тяжкую забаву (сиречь оружие) оставят!».

И снова с все возрастающей энергией и нетерпением царь обращает к сыну вопрос за вопросом, упрек за упреком, чтобы показать, как глубоко он неправ в своих суждениях о власти: «К тому же не имея охоты, ни в чем обучаешься, и так не знаешь дел воинских. Еще же не знаешь, то како повелевать оными можеш? И как доброму добре воздать и нерадиваго наказать, не зная силы в их деле? Но принужден будешь, как птица молодая, в рот смотреть». И чтобы предупредить возможные сомнения в справедливости высказанных слов, царь еще раз возвращается к воспоминаниям о своем брате: «Спроси всех, которые помнят вышепомянутого брата моего, который тебя несравненно болезненнее был и не мог ездить на досужих лошадях, но имея великую к ним охоту, непрестанно смотрел и перед очми имел; чего для никогда бывала, ниже ныне есть такая здесь конюшня».

Следовательно, даже серьезные физические недуги, по мнению Петра, не отнимают у человека ни способностей, ни охоты к полезным занятиям. Почему же царевич-сын, не лишенный ни разума, ни некоторой «телесной крепости» и находящийся в том возрасте, когда человек проявляет наибольшую жизненную активность, почему он чурается всякого труда, уклоняется от участия в нужных отечеству делах, ведет жизнь праздную, бесцельную и безнравственную? Царь-отец не только указывает сыну на его недостатки, но и объясняет их, анализирует. По его мнению, виною всему сам царевич, его леность, упрямство и неповиновение, нежелание следовать отеческим наставлениям и пристрастие к людям «замерзельных обычаев», к «большим бородам», которые «ради тунейдства своего ныне не в авантаже обретаются». Развивая эти мысли, царь уподобляет сына известному евангельскому ленивцу, вкопавшему талант свой в землю: «...обращуся паки на первое, о тебе разсуждая, — пишет царь сыну, — ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощью вышняго насаждение и уже некоторое и возвращенное оставлю? Тому, иже уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (си речь все, что бог дал, бросил)?». Еще же и сие